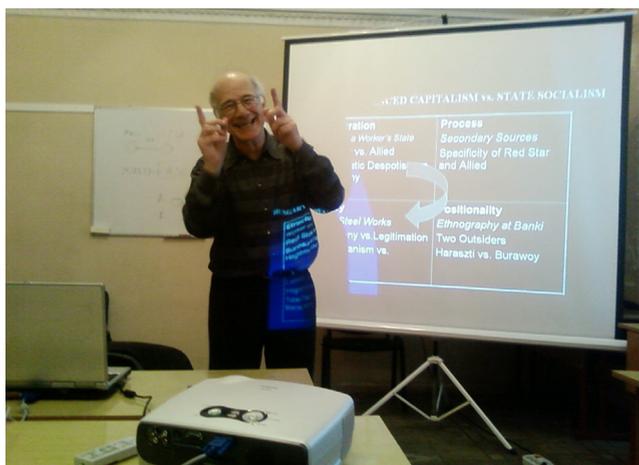

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: КРУГЛЫЙ СТОЛ

Вниманию читателей представляются материалы круглого стола с Майклом Буравым — профессором социологии Калифорнийского университета, Беркли (США). Социолога-марксиста, известного своими работами о трудовых отношениях в условиях (поздне)современного конфликта капиталистической и социалистической систем производства.

Преподавателя университета государственного и весьма неформального, известного своей атмосферой свободы и независимости. Президента Американской социологической ассоциации в 2002–2005 гг., а теперь — вице-президента Международной социологической ассоциации по вопросам национальных ассоциаций.

С 17 по 19 сентября 2007 г. по приглашению факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета он выступал с лекциями и дискуссиями о будущем социологии в локальном и глобальном контексте. Исходной идеей было пригласить именитого социолога поделиться со студентами своим опытом реализации в профессии, а также обсудить с российскими коллегами тезис, что социология в эпоху глобализации должна быть «публичной» (public sociology) и защищать права человека и гражданское общество от произвола рынков и государства. Тем самым хотелось пригласить российских студентов к размышлениям (диалогу) об особенностях (причудах) академической карьеры, а российских социологов — к той дискуссии, что началась в США уже в 2002 г. и за пять лет прокатилась по университетам разных стран.

Однако уже в ходе организации визита, согласования программы выступлений и их проведения дискуссия вышла за рамки одного социологического центра. В результате, визит оказался насыщенным, интенсивным и жарким. Несомненно, будут разные версии сентябрьской полемики и разные публикации в разных изданиях. Мы предлагаем лишь один ее срез, который, несомненно, не только позволит обозначить позиции на предмет возможности публичной социологии в России, но и отразит нынешнее состояние российской социологии.

Поскольку отправной точкой полемики стала статья М. Буравого «Публичная социология в защиту прав человека», то дискуссия открывается ее переводом на русский язык. Выбор данного текста для перевода неслучаен. Это не программный текст, с которого начал свое шествие по социологическим центрам разных стран тезис о публичной социологии*. Между тем в свете критической ситуации внутри как профессионального социологического сообщества, так и гражданского общества в России, проявившейся в свете выступлений студентов социологического факультета МГУ и закрытия Европейского университета в Санкт-Петербурге, такой фокус еще более обнажает острые углы и противоречия. Дискуссия, актуальная для США, вызвавшая полемику и жаркие споры в Европе, на наш взгляд, не менее актуальна в России.

Визит оказался возможным при финансовой поддержке, оказанной в рамках проекта «Инновационная образовательная среда в классическом университете», а также благодаря деятельному участию координатора проектов на факультете социологии — профессора В.В. Козловского.

Перевод работы Майкла Буравого был выполнен вместе с волонтерами общественной организации «Немецко-Русский обмен». Этой публикации могло и не быть, если бы не содружество профессиональной ассоциации социологов с волонтерской службой переводов.

***С.С. Ярошенко, руководитель исследовательских программ
Центра изучения Германии и Европы СПбГУ,
координатор пилотного проекта «Европейские общества»***

---

* Burawoy M. For Public Sociology. 2004 Presidential Address // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. February. P. 4–28. Его перевод и мнения российских социологов о нем можно прочитать в Журнале исследований социальной политики (www.jsps.ru) и на блоге журнала (<http://jsps-journal.blogspot.com/>).

Участники дискуссии

Майкл Буравой, профессор социологии, Калифорнийский университет, Беркли (США).

Дмитрий Иванов, профессор социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Владимир Ильин, профессор социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Маркус Кайзер, научный руководитель Центра изучения Германии и Европы Санкт-Петербургского государственного университета.

Михаил Соколов, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге.

Светлана Ярошенко, руководитель исследовательских программ Центра изучения Германии и Европы Санкт-Петербургского государственного университета.

Ярошенко С. Я рада представить М. Буравого — профессора социологии Калифорнийского университета, Беркли, США, который озвучит свой провокационный тезис о «публичной социологии» (public sociology). С 2002 г. он его обсуждает с социологами разных стран, кочуя от университета к университету. И мы с вами являемся первыми участниками аналогичной дискуссии в нашей стране.

Сначала Майкл кратко представит свой тезис, а затем оппоненты выступят с критикой или поддержкой его идеи с таким почти неприличным названием в переводе. Между тем другой возможный перевод: «общественная» вместо «публичная», — кажется устаревшим и еще более скомпрометированным из-за коннотаций с советским временем. «Общественное» тогда сегодня интерпретируется как «административное». Поскольку мы уже живем в рыночную эпоху, рассчитываем на плюрализм мнений и стремимся к гражданскому обществу, то «публичная», на мой взгляд, как нельзя лучше отражает современный контекст существования российской социологии и может быть дополнительным поводом к дискуссии.

Несколько слов о языке дискуссии. Чтобы не создавать сложностей докладчику, М. Буравой будет излагать свой тезис на английском языке, но выступление будет сопровождаться Power Point презентацией на русском языке. Чтобы обсуждение было действительно публичным и открытым, мы пригласили помочь с переводом Наталью Саламову, студентку магистерской программы «Европейские общества».

---

* Перевод и транскрипция дискуссии выполнены Натальей Саламовой, выпускницей филологического факультета СПбГУ и студенткой магистерской программы «Европейские общества» СПбГУ. Организаторы дискуссии и редколлегия журнала благодарят Н. Саламову за помощь, оказанную в подготовке данной публикации.

Буравой М. Сегодня я выступлю перед вами со своей идеей о публичной социологии. Во многих научных (социологических) изданиях разных стран: в Англии, Германии, Норвегии, Финляндии, Польше, Венгрии, ЮАР и России, — также обсуждается эта тема. Сегодня мы также будем говорить о характере социологии. Я попытаюсь здесь по крайней мере инициировать дебаты, интересные тем, что каждый может оспорить предложенную мной перспективу с собственных позиций. И важно то, что для социологов, вовлеченных в дискуссию, я предлагаю рамки, обеспечивающие одну площадку, одну сетку координат, через которую мы можем спорить друг с другом, сравнивать разные мнения и судить о роли социологии в современном обществе.

В то же время вы можете сказать, что для России сегодня это не очень актуально. Да, это верно. Но здесь я хотел бы также исходить и из определенных исторических особенностей, что в свою очередь поможет мне сфокусироваться как на неких общих, так и на более специфических чертах.

Также я намерен обратиться к историческому контексту, который способствовал появлению идеи публичной социологии, принимая во внимание и особый подход в этом вопросе применительно к ситуации в России. Таким образом, здесь можно говорить о так называемой «двойной историзации» — т. е. определить рамки, в которых возникает идея публичной социологии, а также обозначить ее значимость в различных социальных контекстах.

Итак, позвольте мне теперь рассказать о происхождении этой идеи. Существует два направления ее возникновения, и первое — США. Американская социология — высокопрофессиональная (гиперпрофессиональная) социология. В этой стране около 15 тысяч специалистов являются членами социологической ассоциации; ежегодно более чем 600 специалистам присваивается степень доктора наук; существует около 150–200 специализированных социологических изданий; в США на данный момент насчитывается около 30–40 тысяч докторов наук; наконец, ежегодно мы обучаем около 25 тысяч студентов по специальности «социология».

Социология, как, впрочем, и многие другие дисциплины, организована по-особому. Это самостоятельная наука (дисциплина), в рамках которой разные ее направления пересекаются друг с другом, тем или иным образом оценивают друг друга, подвергают сомнению или принимают положения друг друга. Их статус взаимно оценивается внутри этих направлений, а также в различных журнальных публикациях. В целом социология — это саморегулирующаяся профессия.

Социологии, как одной из наиболее молодых общественных наук, пришлось отстаивать свою позицию как настоящей науки. Научность и сущность социологии порой вызывают противоречивые отклики — некоторые люди полагают, что социология как наука не имеет непосредственного отношения к реально существующим проблемам в обществе, она не представляет особой значимости. Они говорят, что понимать социологические обзоры и журналы практически невозможно и что зачастую социологи концентрируют внимание только на важных для них специфических (узких) тематиках.

Идея публичной социологии заключается как раз в противостоянии гипер-профессиональной социологии, процветающей в Америке. Критическая социология критикует гиперпрофессионализм и подчеркивает, что социальная наука должна в большей степени апеллировать к публике и к значимым общественным вопросам.

Одним из первых приверженцев публичной социологии был известный американский социолог С. Райт Миллс, чьи труды переведены на русский язык. Его книга «Социологическое воображение», написанная в 1958–1959 гг., выражала критику профессионализма американской социологии, акцентируя важность публичной.

Таким образом, гиперпрофессионализм американской социологии — это один из источников возникновения идеи публичной социологии (по крайней мере для меня).

Второй мой источник — это опыт, приобретенный мной во время работы в ЮАР. Я вернулся туда в 1990 г., через 22 года после первого посещения этого государства, и обнаружил, что социология там теснейшим образом связана с понятием гражданского общества. Отмечу, что я поехал туда после моего пребывания в СССР, который в то время переживал окончание Перестройки и в котором существовало понятие гражданского общества и понятие публичной социологии, особенно в Санкт-Петербурге, Москве и, конечно, в Сыктывкаре.

В ЮАР существовали тесные взаимоотношения с социологией, сопровождающие возникновение различных реакционных движений (движения рабочей силы, или гражданские организации). И социология была тесно вовлечена в эту протестную деятельность, чего совершенно нельзя было сказать об Америке. Это было совершенно иное представление о том, чем должна быть социология. Это публичная социология, которая привела социологов и была приведена ими к развитию диалога с обществом, с людьми. Интересно отметить, что в 1990-е гг., точнее, после окончания апартеида, публичная социология начала двигаться в направлении так называемой заказной социологии. Это социология экспертов, которые по заказу клиента проводят определенное исследование и получают за это деньги. В то время многим социологам приходилось продавать свои услуги исследователя государству, различным организациям.

Итак, два основных источника возникновения публичной социологии — это «гиперпрофессиональная социология» в США и «социология общественных движений» в ЮАР. Другими словами, я поведал вам о генезисе (происхождении) социологии.

Я полагаю, рассмотрение публичной социологии в сугубо историческом контексте не должно вызывать особых противоречий. Но должно существовать еще нечто универсальное, некие всеобщие применимые рамки такой социологии.

Итак, на мой взгляд, существует два основополагающих вопроса, которые социолог всегда должен ставить перед собой (что, впрочем, делается порой с неохотой).

Первый вопрос — социология для кого, знание для кого? И здесь возможны два ответа — первый, это социология для ученых, академиков, социологов, и второй — социология для людей, для общества, «экстраакадемическая» («внеакадемическая»).

Второй вопрос — знание для чего? Для чего нам нужны эти знания? Снова здесь могут быть представлены два ответа — это инструментальное знание и рефлексивное знание. Те, кто знаком с Франкфуртской школой, трудами Юргена Хабермаса, Макса Вебера, знают, каково значение этих двух видов знания.

Инструментальное знание занимается средствами для достижения определенной цели. Ставится цель (в случае заказной социологии — клиентом, заказчиком, в случае профессиональной — рамками исследования). Инструментальное знание фокусируется, таким образом, на тех средствах, которые используются для достижения поставленной цели. Это то, что Макс Вебер называл инструментальным действием.

Рефлексивное знание занимается целями, задачами, значением. Оно концентрируется не на поиске лучших (наиболее эффективных средств), но на обсуждении, на диалоге, посвященном этим целям, задачам, значениям.

Я хочу представить вам свою таблицу два-на-два. В ней вы видите три столбца.

Разделение социологического труда

Вид знания	Академическая публика	Внешняя публика
Инструментальное знание	Профессиональная социология	Заказная социология
Рефлексивное знание	Критическая социология	Публичная социология

В первом представлена *профессиональная социология* — социология для ученых, академиков, научного сообщества. Она занимается тем, что Томас С. Кун называл внутренними противоречиями. В следующем представлена *публичная социология*, имеющая дело с вненаучной аудиторией и занимающаяся обсуждением ценностей общества.

Существует два типа публичной социологии. Первый тип — это так называемая *традиционная публичная социология*, в которую я включаю социологов, издающих книги и работающих в периодических изданиях для широкой аудитории. Они занимаются такими темами, как, например, сексуальность в российском обществе. Второй тип — *органическая публичная социология*, когда социологи имеют непосредственное отношение к обществу, людям. Социологи общаются с определенными группами людей (движения рабочих, женские организации), и зачастую таких социологов не видно, их труд можно назвать более «частным» и скрытым, нежели всегда заметную работу традиционных публичных социологов. Например, социолог Анна Темкина, которая выступит в Москве на встрече, посвященной обсуждению роли женщины в обществе, представляет эту группу социологов.

Перейдем к *заказной социологии*. Такое понятие сложно перевести на русский язык. В английском варианте это *policy sociology*, и это понятие нельзя путать с понятием *political sociology* (политическая социология). В заказной социологии специалист-социолог выполняет заказ для своего клиента. Примером здесь может служить проведение опроса общественного мнения для какого-либо политика с целью выяснения наиболее насущных вопросов, которыми ему предстоит заниматься.

Но *policy sociology* может представлять собой нечто большее, чем просто исполнение заказа, за который клиент платит деньги. Например, какая-либо организация просит провести исследование жизненных условий пенсионеров в Сыктывкаре. То есть это более генерализированная (всеобъемлющая) проблематическая социология, нацеленная не на специфические, но на более общие вопросы исследования.

Далее следует *критическая социология*. Для сравнения вернемся к заказной, в которой инструментальное знание занимается средствами для достижения извне поставленной цели (некий заказчик). В критической социологии происходит обсуждение положений профессиональной социологии. И основой здесь является критика методологических, теоретических, философских и нравственных положений, роль которых в профессиональной социологии часто отходит на задний план. Критическая социология включает в себя обсуждение социологами ценностей, имеющих значение для общества.

Эти разграничения я называю *разделением социологического труда* и полагаю, что наука социология должна включать в себя все эти четыре типа, четыре вида знания. В этой связи можно говорить о типах знаний, о возможностях профессионального пути в рамках каждого из них и об их тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Кроме того, существуют и так называемые *отклонения публичной социологии* и других видов социологии. Важно отметить, что публичная социология должна вести диалог, и этот диалог может оказаться ведущим (авангардным), но в то же время публичные социологи порой не способны на такой диалог, так как они сами являются неотъемлемой частью публики.

Сейчас я хотел бы перейти к вопросам национальных особенностей социологий. Я буду говорить об областях доминирования: в разных типах общества, в разных странах преобладают разные типы знаний, разные виды социологии.

На схемах я изобразил свое видение сфер влияния того или иного вида социологии в зависимости от страны. Например, в США лидирующей является профессиональная социология, критическая и публичная занимают гораздо более слабые позиции. В ЮАР также господствует профессиональная социология, публичная также влиятельна, и заказная набирает силы, и, конечно, существует критическая. Китай — это особый случай: профессиональная и заказная социологии имеют сильную позицию, в то время как критическая и публичная — слабую, что можно объяснить историческим периодом, когда в стране доминировали авторитарные социалистические принципы. Профессиональная социология в Китае разделяется.

Должен еще раз подчеркнуть, что это лишь мое видение существующей ситуации. Норвегия — другой интересный пример государства, в котором профессиональная и публичная социологии сосуществуют. Во Франции доминирует публичная социология.

Принимая во внимание все вышеупомянутое, я не мог не задуматься о глобальном разделении социологического труда. Своей схемой я хочу подвести вас к восприятию социологии во всеобъемлющей перспективе, которая признает особенность каждой отдельно взятой страны.

Теперь необходимо объяснить, почему о понятии публичной социологии пришло время говорить именно сейчас. Пояснив некие общие положения публичной социологии, я хочу остановиться на том, что же такого особенного в данном историческом периоде, что вызывает противоречивые отклики в процессе обсуждения этого вопроса.

Сейчас мы живем в период неолиберализации, третьей волны маркетинга, когда гражданское общество находится под угрозой со стороны рынка и государства. И своей задачей я вижу подведение социологии к тому, чтобы она заняла позицию гражданского общества. И мне кажется, что сейчас настал особый период, когда социология и социологи играют исключительную роль в диалоге с обществом, которое (как, впрочем, и сама социология) находится под угрозой.

Ярошенко С. Спасибо, Майкл. Спасибо, Наташа. Теперь я предлагаю выступить с комментариями наших дискуссионщиков, а затем перейти к вопросам и ответам.

Иванов Д. Большое Вам спасибо за интересную интерпретацию социологии и ту впечатляющую схему, которую Вы нам представили. Я бы хотел сосредоточить внимание на этой матрице и на идее, согласно которой публичная социология — это своего рода инструмент защиты гражданского общества.

Моя научная карьера началась с изучения критической теории Франкфуртской школы, поэтому мне особенно импонирует Ваш анализ, расширяющий и развивающий введенный Хоркхаймером дуализм, — традиционная и критическая теория, а также триаду Хабермаса: инструментальное, практическое и «эмансипационное» познание. Ваши результаты, конечно, более плодотворны и имеют большее значение для социологов, поскольку у Вас уже четыре типа знания, а это я охарактеризовал бы как прогресс в развитии данных идей.

Я, однако, могу отметить одну проблему, связанную с центральным положением Вашей концепции — идеей гражданского общества. Мне эта концепция представляется дезориентирующей. Я имею в виду три упомянутых Вами аспекта — рынок, государство и гражданское общество. Три века назад Т. Гоббс и Д. Локк гражданским обществом называли государство. Затем И. Кант и А. Смит интерпретировали гражданское общество как рынок. Вы и ряд других современных социологов идентифицируете гражданское

общество как негосударственные и некоммерческие организации (так называемый третий сектор). Очень разные структуры и сообщества интерпретируются как гражданское общество. И этот подход провоцирует идею, что рынок — это плохо, государство — это плохо, гражданское общество — это хорошо.

Приведу несколько примеров того, как подобные некоммерческие структуры отстаивали права людей. Первый пример — Ку-клукс-Клан, защищавший права белых. Не гражданское общество, но американское государство отстаивало права темнокожих (например право на получение образования). Следующий пример — современная католическая церковь (особенно в Калифорнии) — это странная секта педофилов или религиозная организация? Наконец, Аль-Каида — яркий пример структуры гражданского общества, ограждающей свою культуру от распространения влияния рынка и империалистических государств.

Мне кажется, защита «человечности» не является монополией некоммерческих, негосударственных структур, гражданского общества. Защита гражданского общества — не только монополия публичной социологии. Таким образом, предмет социологии следует представлять как взаимоотношения (иногда конфликтные) между рынком, государством и гражданским обществом.

И последний комментарий, касающийся важности публичной социологии. Я согласен с г-ном Буравым, что сегодня существует угроза социологии, связанная с расширением влияния рынка, государства. Мы, социологи, сталкиваемся с экспансией менеджмента и маркетинга — новых форм публичного знания. В своей статье Вы упомянули концепцию Р. Патнема о недостатке социального капитала. Думаю, речь идет о конкурирующем публичном знании, а не о социологии. Это знание об обществе, или знание о публичных сферах, или знание о конфликтах, отношениях между государством, рынком и гражданским обществом. И я полагаю, существует такая проблема, как кризис внимания. И публичная социология предпринимает попытки сохранить науку, а также сохранить нашу аудиторию.

Названную проблему я прежде всего связываю с изменениями в стратификации общества. Социология, социологический дискурс о гражданском обществе традиционно являлись прерогативой интеллектуалов, среднего класса, который являлся стержнем гражданского общества. Сегодня мы наблюдаем кризис среднего класса, кризис гражданского общества, кризис социологии (публичной, профессиональной, заказной). В связи с этим я вижу довольно печальные перспективы публичной социологии. И мне думается, что термин «публичная социология», в условиях недостатка этой самой «публики», сравни «деревянному железу». У нас есть публичное знание, публичное популярное знание об обществе, и у нас есть социология. Для меня поэтому публичная социология является концепцией достаточно парадоксальной. Если ты хочешь быть публичным, тебе нет места в социологии. Если ты хочешь быть социологом, то будь социологом, и работай в условиях кризиса внимания, дефицита публики и публичности.

Ильин В. Я согласен с большинством положений, которые Майкл Буравой представил в докладе. В своем выступлении я бы хотел лишь развить некоторые Ваши идеи.

Социология, как любой вид деятельности, опирается в ключевой вопрос — где взять деньги. Для любого вида деятельности финансовые средства исходят из трех основных источников — от государства, от бизнеса и от публики, которая приобретает какой-либо продукт. Если то или иное сообщество не удовлетворяет ни один из этих источников, то встает вопрос: кто и зачем будет платить? Сегодня российская социология находится в такой ситуации, когда ей платят по инерции, но рано или поздно (а это «поздно» наступит скоро) встанет вопрос — зачем? Потому что бизнес не видит смысла в социологии, государство — тоже, а общество — тем более. Таким образом, возникает вопрос — для кого работает современная социология, прежде всего российская. И ответа на него, на мой взгляд, современная социология не дает. В основном она работает на свое сообщество. Мы пишем и читаем друг друга.

Далее, исходя из возможных трех потребителей социологического знания, возможны три различные функции социологии. Если брать государство — то социолог здесь может выступать в качестве советника правящего лица. Он может быть консультантом в бизнесе (разрабатывать бизнес-стратегии и получать за это деньги). И наконец — вести диалог с обществом, выступать в той нише, которая традиционно монополизирована журналистикой, иными словами, пытаться быть «властителем дум». Такая попытка была сделана в России, пожалуй, единственный раз — в годы перестройки, когда Т.И. Заславская, Ю. Левада и некоторые другие пытались эту роль взять на себя. Соответственно, вопрос встает ребром: как будет выживать социология и выживет ли она вообще?

Переходя к более специфическим аспектам этой темы, я бы хотел заострить внимание на проблеме языка, который использует социология в диалоге с обществом (здесь я фокусируюсь на одной из возможных функций социологии — функции ведения диалога с обществом). Одной из форм закрытости любого сообщества является язык, на котором оно говорит. Социология, вслед за социальной философией, развила такой язык, который даже не всем членам социологического сообщества понятен. Возьмите студентов нашего факультета, предложите им какой-либо классический текст, и, я уверен, многие из них не поймут, о чем там идет речь, поскольку они учат классику в очень вольном пересказе. Таким образом, социологическое сообщество закрывается даже от своей периферии, не говоря уже об обществе в целом. Как следствие, возникает ситуация, когда ни государство, ни бизнес, ни общество не могут ответить на вопрос: кто такие социологи, чем они занимаются и зачем нужны? Поступая на этот факультет, большинство студентов не имеют представления о том, что они здесь будут изучать, чем будут заниматься. Следовательно, закрытость границ социологического сообщества достигла критической отметки. И чтобы найти общий язык с потребителем социологического знания, который может осмысленно (не по инерции) снабжать

ее средствами, социология должна всерьез озаботиться состоянием языка, на котором она выдает свой продукт. С одной стороны, это язык вербальный: если мы по-прежнему будем развивать изоциренный понятийный аппарат, который часто не прибавляет возможностей для познания общества, не обладает дополнительными эвристическими возможностями, то социология закроется настолько, что ее забудут. Такая тенденция уже наблюдается во многих вузах, потому что согласно существующим нормам, ректорат и деканат имеют право выбирать между социологией, политологией и культурологией. И считается, что математикам или физикам, которые ассоциируют социологию с проведением рейтингов, она совершенно не нужна (иначе обстоит дело с политологией, о которой имеется более четко сформированное понятие). Это приводит к тому, что из многих учебных программ (особенно в региональных вузах) социология снимается, и эта тенденция будет нарастать.

Если говорить об общении социологии с обществом, то с тех пор как Т.И. Заславская подошла к возрасту, когда болезни беспокоят больше, чем состояние общества, с обществом некому стало говорить о социологии. Ю. Левада еще предпринимал какие-то попытки даже в последние годы своей жизни, но он ушел от нас. И сегодня слово социология ассоциируется в обществе главным образом с электоральными рейтингами, вызывающими часто одно раздражение, провоцирующими подозрения в продажности и т. д.

Таким образом, если социология не научится продавать свой продукт обществу в широких масштабах, общество отвернется от нее, и в конечном счете это скажется на финансировании нашей дисциплины в вузах.

Другой, более радикальный вопрос, связан с тем, что XXI в. — век визуализации, когда все больше люди узнают информацию не посредством журнальных изданий, книг, а с помощью телевидения, Интернета и т. д. То есть мир все больше и больше познается через визуальные образы. И если социология по-прежнему будет говорить на языке XIX в. (ведь понятийный аппарат, которым мы пользуемся, — это в основном изобретения XIX в.), то социология обречена на вымирание в силу того, что ее просто перестанут понимать. Поэтому если социологи не научатся переводить свое знание на визуальный язык и находить выходы на каналы, которые воздействуют на аудиторию, потребляющую только визуальные образы, то кризис, в который мы уже втянулись, будет усугубляться стремительными темпами. Поэтому, на мой взгляд, проблема публичной социологии тесно взаимосвязана с проблемой использования визуального языка.

Существует два решения. Первое заключается в тщательной переработке понятийного аппарата с целью очищения его от тех терминов, которые не выполняют дополнительных эвристических функций. Другое направление — прорабатывание возможности перевода социологического знания на визуальный язык. Спасибо за внимание!

Кайзер М. Я не могу критиковать выступление и основную идею публичной социологии, потому что полагаю, что все виды социологии имеют право на существование и должны существовать. Два основных вопроса, которые

здесь прозвучали, — это социология для кого и для чего. Я хотел бы добавить еще несколько — социология каким образом и — кто производит социологическое знание. Ответ представляется ясным в случаях с профессиональной и критической социологией — это профессиональные социологи. В таком случае трудно принять предположение, что это две различные модели (они могут быть одинаковыми). Профессиональные социологи могут выступать в качестве заказных. Если такой социолог занимает активную позицию в обществе, то он является частью гражданского общества.

Таким образом, построение этих моделей может осложняться тем, кто производит знание и в каком обществе. Один и тот же специалист может быть вовлечен в разные типы социологического знания, социологического труда.

Я хочу подробнее остановиться на способе производства знания. В профессиональной социологии социолог вырабатывает научное знание, которое охватывает и объясняет на макроуровне структуру общества в целом. Способ производства подобного знания заключается в стандартных видах проведения эмпирического исследования, теоретических работах, доказываемых при помощи дискурса, периодических научных изданиях (обсуждение какой-либо теории в течение определенного времени, ее обоснование и принятие эпистемическим сообществом социологов).

Критическая социология, которая может стать профессиональной социологией, придерживается того же набора ценностей относительно того, как производятся знания, т. е. они обладают практически одинаковой «культурой» производства знания, что в свою очередь подчеркивает ту мысль, что это единая конструкция, разграниченная по определенным моделям.

Иначе обстоит дело с заказной социологией. Действительным знание признает клиент, тот, кто заказывает исследование (например, если заказчик — Всемирный банк, неправительственная организация, агентство и т. д.). Но это не то же самое, что научный дискурс, при котором обоснование и принятие происходят в рамках эпистемического сообщества, ибо в случае с заказной социологией оно происходит посредством власти в иерархической системе институтов.

В публичной социологии эпистемическое сообщество производит определенный тип знаний для и в рамках некой группы — феминистические организации, экологические движения и т. п. И в данном случае обоснование и оценка качества исследования (validation) — категория ценностная и зависящая от группы, вовлеченной в исследование.

Таким образом, социология обладает ограниченной ценностью, она ограничивается группой, для которой произведено знание, или же организацией, которая оценивает исследование.

Критическое, профессиональное и научное знания обладают идеей производства универсального знания, что является одной из основ науки как таковой. И профессиональные социологи также двигаются в этом направлении, выдвигая универсальные законы со всеобъемлющей силой объяснения и интерпретации. Это то, что касается вопросов «кто и каким образом» —

думаю, их можно было бы добавить в схему, которую Вы продемонстрировали ранее.

Также отмечу, что в истории науки в начале существовала ее связь с теологией, и не было такой системы верований, которая утверждала знание. И мне кажется, мы теряем тот прогресс, которого достигли в процессе развития науки.

Хочу привести пример с мусульманским обществом, в котором всякое знание оценивается с точки зрения системы веры, верований (конечно, и католическая система верований также утверждает или не принимает определенное знание, основываясь на своих позициях). Однако разделение науки и теологии может привести к тому, что в случае отсутствия ограничивающей системы ценностей знание, производимое учеными, становится универсальным. И в этом случае мы избавлены от валидности, производимой по принципу критической оценки. В публичной социологии валидность производится ограниченной группой людей (системой ценностей, например, религиозной группы).

Последний комментарий касается Вашей идеи о том, что социолог производит знание для гражданского общества. Следует ли из этого, что экономисты производят знание для рынка, чиновники — для государства? Спасибо.

Соколов М. Прежде всего я хотел бы отметить, что нахожусь под большим впечатлением от чтения статей профессора Буравого и его сегодняшнего выступления и что считаю его тезис о разделении социологического труда важным вкладом в развитие профессиональной рефлексии.

Несмотря на это в связи с его основным тезисом у меня возникло два связанных между собой замечания. Первое из них касается характера существующей иерархии видов исследовательского труда, второе — политических следствий, которые предлагаемые им меры по изменению этой иерархии с большой вероятностью повлекут.

Первое замечание касается соотношения четырех функций и четырех ролей социологии, которые, согласно профессору Буравому, равны между собой. Между тем кажется очевидным, что профессиональная социология могла бы существовать без публичной, и без заказной, и без критической. Обратное, однако, неверно. Все претензии социологии как дисциплины на легитимность основаны на ее профессиональной стороне. Когда мы публично выступаем и заявляем, что можем сказать нечто важное об общественном устройстве, и претендуем на то, что наши слова имеют больший вес, чем слова людей с улицы, мы всегда ссылаемся на профессиональную социологию как на источник нашего авторитета.

И здесь возникает второе замечание, вернее, важная политическая проблема, связанная с тезисом профессора Буравого о корреляции между видами социологии и их распространенностью и доминированием в определенных национальных академических системах и о том, что интернациональное разделение труда могло бы компенсировать дисбаланс в пределах отдельных систем. Проблема в том, что, учитывая асимметричность во взаимозависи-

мости между разными сегментами социологии и зависимость всех прочих сегментов от профессионального, их перенос на географическую карту неизбежно приведет к созданию мировой системы, в которой наиболее важный для дисциплины в целом вид деятельности будет локализован в пределах одной страны, а именно — Соединенных Штатов. Все западные исследователи окажутся зависимы от западной — прежде всего американской — социологии как от источника своего авторитета.

Фактически подобное разделение труда складывается, но его следствия зачастую печальны для социологии в западных обществах. Оно влечет за собой или воспроизводящуюся академическую зависимость, или развитие реакционных научных национализмов — зачастую выступающих под флагами «публичной социологии». В частности, существует частая и, возможно, внутренне вполне закономерная связь между антипрофессиональным движением в социологии и политическим антивестернизмом, который имеет тенденцию принимать очень консервативные, чтобы не сказать националистические и реакционные, формы.

На постсоветском примере мы можем видеть, как легко противопоставление профессиональной и публичной социологии и некий антипрофессиональный пафос усваиваются движениями, которые отождествляют профессионализацию с «американским влиянием» и хотят с ней бороться. Мы видим это, в частности, на примере декана социологического факультета МГУ Добренкова, который, возможно, является единственным подлинным публичным социологом в России сегодня. Усилия Добренкова в рамках кампаний за восстановление смертной казни и продвижение «православной духовности» представляют собой как раз тот вид деятельности, который профессор Буравой хотел бы, чтобы мы все иногда (а некоторые из нас постоянно) осуществляли. Нет оснований надеяться, что «публичная социология» в странах академической периферии будет часто принимать более симпатичные формы.

Ярошенко С. Мне очень импонирует тезис Майкла, но прежде чем перейти к вопросам, в качестве ремарки хотелось бы отметить следующее. Неделю назад я была в Глазго на конференции Европейской социологической ассоциации. В течение трех дней там также обсуждались тезисы о публичной социологии. Войдя в аудиторию, я очень удивилась, так как в ней преобладающее большинство составляли мужчины, и они активно обсуждали логику, термины и эффект этого тезиса. Основная критика заключалась в том, что это не наука, потому что тезис слишком «мягкий», не предполагает следования классическим принципам, существующим в социологии, потому что это скорее искусство, чем наука, и в целом — это нечто женское. Примечательно, что там же проявилась другая крайность: с комментариями в поддержку чаще выступали женщины. Я также его поддерживаю, и не только потому, что женщина, а поскольку так же отвечаю на основные вопросы — зачем и для кого существует социология.

Во время проведения первых интервью в середине 1990-х гг. я постоянно

сталкивалась с подобными вопросами, когда респонденты меня спрашивали, для кого проводится данное интервью и что они от этого получат. И меня огорчает факт, что они ничего так и не получили, и ситуация в этом северном поселке в республике Коми, где я проводила исследование, до сих пор не изменилась, и проблемы те же самые. Уже тогда были очевидны разные стратегии в проведении социологических исследований. Заказ, ведомственная экспертиза и академическая тусовка, на мой взгляд, преобладали и до сих пор остаются ведущими стратегиями. В первых двух случаях участвующей рефлексии научного сообщества мешала зависимость от денег или от привилегий. В последнем — диалогу и участию — препятствовала интеллектуальная игра. Она совмещала в себе отстраненную академическую позицию в угоду недостижимому объективизму, изоляцию через термины и языковые заимствования, малопонятные за пределами профессионального сообщества.

Я поддерживаю тезис М. Буравой, что диалог и участие могут изменить ситуацию, но на этом пути есть явные ограничения, проявляющиеся и в аргументации такой позиции. Отсюда вытекают мои вопросы.

Во-первых, как Вы относитесь к внешней идентификации «публичной» социологии как «феминистической»?

Во-вторых, на фоне чрезмерной универсальности предложенной схемы, где каждый может поместить себя в одно из полей и нет жестких критериев, задающих идентификацию, и все возможно, как определить, кто есть кто. От того ли, что я себя с этим идентифицирую — например, называю себя публичным социологом и начинаю будировать вопросы, которые на самом деле не находят поддержки? Или от того, как меня идентифицируют извне?

Наконец, нужны ли мы гражданскому обществу? Что делать, если социологи видят «проблемы», но третий сектор не доверяет социологам (нас не хочет). И нужны ли мы тем, кому адресуем свои результаты (в частности, третьему сектору)?

Буравой М. Итак, к замечаниям г-на Иванова

Да, согласен — гражданское общество не во всех своих аспектах хорошо. Ку-клукс-Клан — это показательный пример. Да, в гражданском обществе существует полная эксплуатация, господство и исключение. Однако в любом случае именно оно способно лучше всего защитить народ от засилья рынка и государства.

Вторая моя мысль заключается в том, что, на мой взгляд, необходимо быть очень осторожными с общими заявлениями об изменениях в классовых структурах применительно ко всем странам. Разумеется, в некоторых странах средний класс постепенно исчезает, в то время как в других, таких как Индия, Китай и ЮАР, его пределы расширяются. Хотя должен отметить, что, конечно, это положение не может быть категоричным, и данная ситуация может быть исследована более глубоко. Мне кажется, выдвинутая доктором Ивановым гипотеза о взаимосвязи среднего класса и публичной социологии представляет особый интерес. Смелой мне представляется высказанная мысль, что термин «публичная социология» сам по себе является противо-

речивым. Моя основная идея заключается в том, что публичная социология является остовом всех значительных изменений в профессиональной социологии. Полагаю, что К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин были как публичными, так и профессиональными социологами. Поэтому я не могу принять Ваш последний тезис. Спасибо Вам за очень интересные и провокационные замечания.

Буравой М. К замечаниям профессора Ильина

Полностью согласен с тезисом о том, что один из основных камней преткновения публичной социологии — это используемый ею в общении с публикой язык. СМИ, Интернет обладают большим потенциалом для связи социологии с аудиторией.

Следующую мысль я хотел бы сузить: я имею в виду тезис об универсальности профессиональной и критической социологии и о специфичности заказной и публичной. Я думаю, очень важно, что профессиональная социология обладает своего рода автономией и пространством, на котором она может развиваться как наука, и что она следует своей логике. Профессиональная социология не движется к более универсальному, общему видению и пониманию мира. Кроме того, я полагаю, что критическая социология отличается от профессиональной в аналитическом плане, так как она исследует основы профессиональной социологии. А публичная социология более узконаправленна, и она способствует прогрессу профессиональной. Приведу пример — американская феминистская социология во многом была публичной социологией, которая внесла обособленную, специфическую позицию (внедрила специфические черты) в профессиональную социологию. То же самое в отношении расовых вопросов: публичная социология, занимающаяся, в частности, вопросами гражданских прав представителей различных этнических групп, также привнесла эту тематику с ее особенностями в чуждую подобных проблем профессиональную социологию.

Касательно Вашего последнего замечания: Вы спрашивали, значит ли изучение социологией общества то, что экономика изучает рынок, политология — государство. Это не совсем так. Я говорил о том, что социология действует с позиций гражданского общества. Например, если социология изучает экономику (а она изучает), то с позиций гражданского общества (например, социальную вовлеченность, включенность экономики). То же можно сказать и о государстве.

Политология изучает общество и экономику с позиций государства, политического режима, так же, как экономика изучает общество и государство с позиций экспансии рынка.

Я мог бы назвать себя социологическим шовинистом — я не верю в существование единственной социальной науки. Если бы такая существовала, то это была бы экономика. Мы должны сохранить социологию с ее отличительными чертами и особым будущим. Я выступаю против унифицированной социальной науки.

Буравой М. Ответы доктору Соколову

Да, Ваши замечания тоже намеренно провокационные, что мне очень импонирует.

Первое: когда Вы говорите, что все четыре типа социологии равны, я не могу с этим согласиться. В каждой стране доминирует определенный тип социологии. Например, в России профессиональная социология является несколько фрагментированной, в то время как в США ситуация совершенно другая (там профессиональная социология господствует). И мне представляется, что для развития социологии все четыре ее типа являются релевантными. Например, в СССР не было всех этих четырех видов, и поэтому, как мне кажется, социологию нельзя было охарактеризовать как науку процветающую. По сути, она представляла партийную идеологию.

Теперь перейдем к вопросу глобального разделения социологического труда, в котором доминирует профессиональная социология и американская профессиональная социология оказывает влияние на глобальную международную социологию. Я попытаюсь описать, как я вижу глобальную схему разделения социологического труда. Профессиональная социология сконцентрирована в США (т. е. можно сказать, что это центр нашей схемы), в то время как публичная социология характерна в таких странах, как Индия, Бразилия, ЮАР, Португалия (иными словами, периферия нашей глобальной схемы). Я уверен, что каждая страна, каждое государство должно развивать все типы социологии, особенно те, которые недостаточно развиты (ЮАР — профессиональную, США — публичную). Мне кажется, мы должны признать существующую ситуацию и работать над тем, чтобы улучшить положение. Доминирование США в этой сфере действительно представляет собой некоторую проблему, но прежде чем начать что-то исправлять, мы должны четко описать имеющуюся ситуацию. Как вице-президент Социологической ассоциации я, в частности, также должен работать над этим вопросом. И считаю, что между всеми странами должен происходить обмен знанием и опытом.

И, наконец, Ваш пример с проф. Добренковым. Представляет ли он какой-либо вид социологии? Является ли то, что он делает, социологией? Я читал одну из его работ, но у меня сложилось впечатление, что она скорее идеологическая, нежели социологическая. Но публичная социология должна быть профессиональной, а не любительской. В противном случае — это не социология. И публичная социология должна отвечать научным критериям и быть ответственной перед своей публикой. В противном случае мы должны называться идеологами, журналистами, евангелистами и т. п. И я не думаю, что мы можем называть Добренкова публичным социологом. Но допустим, что то, что он делает, является публичной социологией. Тогда и неофашизм, национализм, Аль-Каида — тоже своего рода виды публичной социологии. Однако это формы ее отклонения, так как на самом деле здесь нет естественного диалога, он производится «сверху».

Поскольку в России позиции профессиональной социологии слабы, возможно, роль публичной социологии является приемом в защиту и отстаивания

вание прав профессиональной социологии. И это особенность российской ситуации.

Буравой М. Ответы Светлане Ярошенко

Соглашусь, мы на одной стороне, и я очень рад, что я идентифицирован как феминист. И во многом идея органической публичной социологии связана с феминистской социологией, вдохновлена ею. И я признателен джентльменам из Глазго за сравнение публичной социологии с феминизмом. Это не значит, что мужчины не могут в ней участвовать.

К вопросу о том, кто я в социологии. Конечно, возможно, но довольно трудно совмещать все четыре типа социологии. Я не утверждаю, что каждый из нас должен быть публичным социологом. Если вы являетесь хорошим профессиональным, критическим или заказным социологом, то вы в любом случае вносите свой вклад и в публичную социологию, так как все виды социологии взаимосвязаны.

Последний вопрос — о значении и важности социологов — самый трудный вопрос. Мне кажется, для социологов публичная социология важна. Я верю, что мир нуждается в социологии и социологах. Об этом, собственно говоря, данный проект: мир и люди станут лучше, если будут обладать более широко направленным социологическим сознанием. Это вера сродни, пожалуй, религиозной вере. Но я полагаю, что жизнь изменится в лучшую сторону, если люди будут лучше осведомлены о социологическом знании.

Ярошенко С. А теперь время для вопросов публики, наших слушателей, зрителей, участников дискуссии.

Буравой М. По-английски, по-русски — все равно.

Ильин В. Если «все равно», то тогда у нас некоторые участники по-немецки заговорят.

Буравой М. Можно даже на коми.

Ярошенко С. У нас на дискуссии присутствуют руководители кафедр, а также общественных структур, и мне бы хотелось услышать их мнение.

Овсянников В. Когда-то читая Вашу дискуссию с Эриком Райтом в журнале университета Беркли, понял, что Вы критический объективист-социолог. И сейчас эволюция Ваших взглядов переходит к публичной социологии, где главным элементом является принесение публичной социологией пользы для общества, людей. Значит ли это, что публичная социология становится нравственной, ценностной наукой, а не беспристрастной и критической?

Буравой М. Я следую идеям Макса Вебера, который утверждал, что социологическое знание основывается на ценностях, именно они мотивируют

это знание. В таком смысле я не принимаю идею ценностно-свободной социологии, мне кажется, это просто невозможно. И я вижу профессиональную социологию как взаимосвязь исследовательских программ, каждая из которых обладает набором определенных ценностных установок. И это те ценности, которые распространены в реально существующем обществе. Мне думается, здесь сосуществуют два неотъемлемых аспекта любого социологического проекта — это основанная на ценностях научность и диалог с публикой.

Григорьев. Я хотел бы напомнить, что социология в советский период была, мягко или грубо говоря, буржуазной идеологией, т. е. она находилась в жестких рамках идеологии и выполняла идеологический заказ. Ее роль в обществе сводилась к научному коммунизму. Сейчас она вырвалась из этого положения и вышла на оперативный простор. Помните, у С. Райта Миллса была замечательная фраза, что социологи не генералы истории, а их задача — выполнять те заказы, которые им дают. И мне думается, что С. Райт Миллс придал такое значение публичной социологии: если мы повернемся к публике (которая в свою очередь должна принять эту социологию умом и сердцем) и перестанем жить сказками. И поэтому я думаю, что чтобы вырваться из этого бывшего плена, социологам нужно, если можно так выразиться, покаяться перед публикой. Почему? Здесь я хотел бы обратиться к примеру, приведенному Светланой Ярошенко, когда она говорила, что испытывает некоторое чувство тяготения до сих пор, поскольку проводимое тогда исследование не дало никаких конкретных улучшений людям. А я вспоминаю, как в то время, может, и не социологи, нас спрашивали проникновенно: «Вы за Советский Союз или против?» И большая часть населения, как нам сказали, отвечала положительно. И вдруг этот СССР рухнул. Это кто сделал — социологи или как бы политологи? Нас, как бы всю нацию, обмануло то, что мы называли «социологией» в то время. Вышло, что ситуация нас обманула. Получается, что «я не могу поехать в Коми, потому что я им что-то пообещала».

Вот в чем заключаются смысловые тонкости публичной социологии. Сначала покаяться, потом говорить, что мы вас не так проинформировали и как бы тоже лгали. И в работе В.А. Ядова «Человек и его работа» тоже об этом пишется. Неужели рабочий думал так, как вы думали?

Таким образом, моя основная мысль: за публичной социологией в России будущее. Если этого не будет, она станет узким кланом профессионалов со своим языком. Поэтому коренная задача сегодня — вырваться из этих тисков, иначе наука умрет. Публичная социология — обязательное условие выживания социологии.

Буравой М. Однако Россия сейчас не готова для публичной социологии в силу того, что профессиональная социология еще слаба.

Астрид Шорн, руководитель общественной организации «Немецко-Русский обмен». И я бы хотела поделиться своими мыслями касательно того, для чего нам нужны социологи. Естественно, они нужны для анализа ситуации. Конечно, прежде чем осуществить какую-либо программу, необходимо получить на нее средства. И фонды, как правило, дают деньги на исследование того, что делать, что изменить. И этой информацией общественные организации могут воспользоваться. Но мне кажется, глобальная проблема — в состоянии проектов уже после их финансирования. Я думаю, это самое важное. Потому что если мы, общественники, что-то и меняем в обществе, в маленьком сообществе, то нам, как правило, не хватает ресурсов, чтобы посмотреть на ситуацию со стороны, чтобы закрепить и распространить опыт изменений. И мне кажется, в этом сейчас заключается важная задача для социологов. К сожалению, на это фонды денег не выделяют. И в России сейчас больше денег на государственную, заказную социологию, изучающую то, какие проблемы надо решать, а не то, как они уже решаются.

Буравой М. Проект публичной социологии должен быть совершенно меняющейся политикой: у нас происходит диалог с обществом, мы должны что-то предоставлять людям, и это доставляется им в форме политики. И вопрос заключается в том, можем ли мы передавать им наше знание и наши результаты, есть ли у нас для этого ресурсы. История дает нам примеры, когда социологи даже способствовали появлению определенных общественных движений, что приводило к изменениям политики. Например, в 1970-е гг. в Америке было создано женское движение против домашнего насилия, и это имело свое действие на изменения политики, так как избиение жены признавалось теперь уголовным преступлением. Но вопрос остается прежним — может ли социолог передавать свое знание, иначе он дает лишь ложные обещания.

Следующая моя идея заключается в том, что публичная социология должна быть вовлечена в процесс порождения дебатов, дискуссии, даже тогда, когда это не приводит к изменениям политики. Это своего рода демократический процесс, в котором мы все должны принимать участие.

Таким образом, я указал две основные функции публичной социологии.

Грегори Сэндстром, аспирант кафедры сравнительной социологии. Мне понравилась предложенная Вами типология. И очевидно, что у Вас есть огромное стремление защищать, продвигать публичную социологию, бороться с кризисом внимания. Но я не уверен, можно ли ее отнести только и только к сфере социологии. Мне интересно, поддерживаете ли Вы идею существования публичной биологии, публичной антропологии, публичной инженерии, публичной теологии. И можно ли назвать это публицизмом? Стремление быть публичным, публичная функция.

Второй мой вопрос. Вы упоминали два стимула публичной социологии — это «Социологическое воображение» С. Райт Миллса и социальные движения в ЮАР. Недавно вышла книга Стивена Фуллера, в которой под-

черкивается, что не гражданское общество находится под угрозой, но сама человеческая натура, природа. Насколько Вы разделяете этот тезис?

И последний комментарий. Вы начали свою карьеру с 1971 г. и заказной социологии и затем перешли к публичной социологии, в частности, написанию этой книги, в которой поднимается данная противоречивая тема. И по-моему подобный диалог должен был состояться, необходим лишь был толчок — и Ваша работа как раз послужила таким толчком. Но в своей работе Вы указываете, что не может быть ни заказной социологии, ни публичной без профессиональной социологии. Когда Вы создавали этот труд в 1972, Вы еще не обладали степенью доктора наук в университете Чикаго, в рамках большой накопленной научной базы можете ли Вы сказать, что публичная социология является научной? Должна ли она быть научной?

Буравой М. Думаю, да. Да, существует публичная антропология. И социологи должны ответственно подходить к принятию непосредственного участия в публичных дебатах, дискуссиях. Мне кажется, прошло время чисто академических университетов. Сегодня создается множество частных вузов, и я думаю, одна из основных задач социолога заключается в развитии диалога с аудиторией. Я еще раз подчеркну особую роль здесь социологии. Но важно отметить, что мы должны выступать как специалисты, обладающие профессиональными отточенными знаниями.

Если мыслить на глобальном уровне (всевозможные конфликты, беспорядки, ухудшение экологической обстановки, войны и т. п.), то мы заметим, как распространена сегодня практика нарушения прав человека. Мне кажется, что состояние отношений сейчас находится под угрозой. И в связи со всем этим я думаю о еще большем по масштабам проекте, посвященном публичной социологии прав человека. Между двумя этими категориями есть нечто объединяющее, общее.

Теперь что касается Вашего последнего замечания. Да, первую работу я писал в довольно юном возрасте, в ней я приводил теории социологов, теории классового анализа, и мне кажется, эта работа вполне научно обоснована. Все же я считаю, что Ваш вопрос более глубокий, и он звучит следующим образом: могут ли непрофессиональные социологи быть публичными социологами. В Америке журналисты, режиссеры создают социологическое воображение. Некоторые открыто демонстрируют свою социологию, другие просто проводят свои исследования. Вообще я думаю, мы не должны утверждать, что социологическое знание производят только специалисты — социологи, получившие степень доктора наук. Необходимо быть более терпимыми и дальновидными. Мне кажется, мы должны идти по пути развития более тесного диалога с журналистами, их нельзя полностью исключать только по той причине, что у них нет специализации социолога. Протекционизм необходим лишь в том аспекте, что необходимо развивать науку социологию. И по-моему, многие профессиональные журналисты берут некоторые идеи из социологии.

Вопрос из зала. У меня вопрос по поводу практической реализации. Если мы представим социолога, у которого есть средства для проведения исследования и он готов его начать, то первое, с чем он столкнется, будет необходимость финансирования его работы. Мы уже обсуждали возможные источники — это государство, которое он собирается критиковать, или бизнес, который так же можно критиковать, исходя из тех ценностей, о которых мы говорим. Допустим, ему все же удалось найти деньги, и исследование проведено. Следующая проблема, с которой он сталкивается, это форма, в которую исследование должно быть облито (т. е. на каком языке он делает сообщение, чтобы оно было понятно публике). Если социолог находит и использует такой понятный публике язык, он сталкивается с проблемой упрощения научного знания и, соответственно, исключения из научного сообщества, поскольку он является непрофессионалом. Следующая проблема — это канал передачи (каким образом он передаст результаты исследования публике). То есть на какие дискуссионные площадки он может выйти с результатами своего исследования, и будет ли это актуально на таких площадках, которые уже заняты теми же журналистами и кинорежиссерами; соответственно, готовы ли они к сотрудничеству в данной сфере. И последняя проблема — это способность аудитории воспринять полученный материал (ее готовность, интерес к данной проблеме и желание что-то менять). Насколько известно, интерес публики к научным и «околонаучным» изданиям, журналам невысок. Другими словами, каким образом мы изменим этот мир, если сам мир не хочет меняться.

Буравой М. Эти вопросы действительно очень актуальны, и задача публичной социологии — ответить на них. Сам проект публичной социологии является сложным. Но значимым является обсуждение как раз таких вопросов, мы должны решать их на практике, находить пути разрешения сложностей. Пока мы не начнем это делать, пока не признаем, что публичная социология существует, она на продвинется ни на йоту.

Данный проект, в частности, фокусирует внимание на возможности создания сообщества, которое будет активно обсуждать эти вопросы. Основная идея сейчас заключается в узаконивании таких дискуссий как распространенной практики социологов, которые желают принимать активное участие. И уже сам тот факт, что мы задаемся данными вопросами, — реальный шаг на пути к решению этих проблем.